

Гусев М.Н.

к.э.н. ИВ РАН

ЕЩЕ РАЗ ПРО... ТЕРРОРИЗМ.

В истории региона ЮВА последние десятилетия отмечены превращением массового насилия в постоянно присутствующий элемент и фактор политического процесса. Все более обширные группы населения начинают воспринимать насилие в качестве единственного эффективного средства разрешения конфликтных ситуаций. На наш взгляд, очередная фаза экстремизма в ЮВА связана с крушением коммунистических идей, еще недавно дававших питательную основу для повстанческого движения. Радикализм, который в политической жизни региона играл существенную роль, после краха марксистской идеологии утратил свою базовую основу. Примерами могут служить события в Индонезии конца 60-х годов прошлого столетия, действия красных кхмеров и повстанческие отряды в Малайзии, Таиланде и на Филиппинах. И «левые» и «правые» экстремистские организации объединяет использование практически одних и тех же методов насилия, применяемых в конечном счете для захвата власти. Но потребовалась новая сверхцель более важная, чем жизнь, во имя которой допустимо и даже необходимо насилие. Терроризм нуждается в идеологическом фундаменте для того, чтобы оправдать самопожертвования непосредственных исполнителей, обосновать убийства мирного населения, массовые репрессии и пр. Быстрый и во многом неожиданный распад СССР, крах коммунистической идеологии при сохранении во всем мире тех недостатков буржуазного общества, с которыми коммунисты (хотя бы на словах) боролись, привели к тому, что идейная ниша всемирной политической борьбы за социальную справедливость опустела. Определенные круги в мусульманских странах (во многом симпатизировавшие СССР – по крайней мере до его вторжения в Афганистан) стали искать в исламских понятиях всемирного братства и социальной справедливости (вырванных из контекста общих норм поведения верующих) новую глобальную «левую» идеологию силовой борьбы за социальную спра-

ведливость. Идеологический вакуум, возникший после ослабления левацкого радикализма, стал заполнять фундаментализм экстремистского толка. Независимо от этапа мирового исторического развития религия продолжает использоваться в качестве идеологического «оформления» необходимости смены режима.

О манипуляциях с идеологическим обоснованием крупномасштабных кровавых деяний, в которых резня осуществлялась под знаменами ислама, свидетельствуют события, связанные с завершением президентства Сукарно в Индонезии. Сукарно правил, балансируя между тремя основными организованными политическими силами: бюрократия, опиравшаяся на армию, массовые исламские организации, крупнейшей из которых была «Нахдатул улама», насчитывающая тогда до 20 млн. человек, и коммунистическая партия – свыше 10 млн. человек, обладавшая сильными позициями в профсоюзном движении, китайской общине, армии и полиции. В 1965 году коммунисты решили стать единственной опорой президента, силой устранив соперников. Поддержавшие их воинские части расстреляли почти всех высокопоставленных генералов, но чудом уцелевший командующий десантными частями генерал Сухарто подавил мятеж. Более 1,5 млн. коммунистов было уничтожено, причем резня осуществлялась в основном мусульманскими «добровольцами», получившими возможность грабежа и насилия в состоятельных китайских кварталах. Опора на правомусульманские группировки, которым противников режима Сухарто выдавали за врагов ислама и государства, дала в тот период военным возможность значительно укрепить свои позиции. Но на этом политическая роль ислама в понимании режима Сухарто должна была ограничиться, для которого было совершенно недопустимо, чтобы сторонники исламского государства являли собой альтернативу власти военных. В то же время эта массовая кровавая акция исламистов тех времен не могла не наложить отпечаток на деятельность их последователей десятилетия спустя. Для них убийство стало практически нормой повседневной жизни.

Российский востоковед А.Ю. Другов в статье «Массовое насилие в Индонезии: социальные, культурные и политические корни»¹ дает четкое и аргументированное объяснение обозначенных в заглавии статьи явлений. В ней, в частности, он указывает на то, что «режим «нового порядка» под руководством генерала Сухарто..... инициировал и санкционировал массовые убийства своих политических противников... «Новый порядок» институировал насилие, самое убийство как средство политической борьбы». Ответная реакция толпы вряд ли бы стала возможной, не получив массового отклика тех, кто по всей вероятности ожидал подобного призыва к действиям. Такое ожидание, в свою очередь, может найти объяснение в доведении негативных эмоций, постоянно подавляемых (что весьма характерно для различных этносов региона), до критической массы и последующего всплеска страстей в виде «амока», сметающего на своем пути моральные и нравственные преграды.

Другим примером идеологически обоснованного массового убийства явилась резня, учиненная красными кхмерами в Камбодже, но уже под коммунистическими лозунгами. Тогда также были уничтожены миллионы людей. И в этих и в других случаях масштабы жестокости и злодеяний несоизмеримы с вызвавшими их причинами. По ряду оценок, участникам кровавых событий была нужна скорее не причина, а повод, чтобы выплеснуть наружу разрушительные инстинкты. Сохранение приверженности экстремизму при совершенно различных идеологических подкладках дает основание говорить об особенностях этнопсихологии или даже региональной психологии.

Трагичность отмеченных злодеяний далеко не ограничивается только фактом их свершения. В регионе, залитом кровью миллионов невинных жертв, клеймо, исходящее от этих ужасающих событий, надолго останется отягчающим фактором его исторического развития. Кровавые преступления оставили глубокий след в массовом сознании людей, затмили изуверства прошлого, сделали крупномасштабный террор чуть ли не нормой, оказали глубокое воздействие на региональную психику. Появилось нечто коллективно подсознательное,

что делает обещанное бен Ладеном намерение уничтожить четыре миллиона человек вполне вероятным или даже неизбежным, и это проецируется непосредственно на регион и стало отличительной чертой региональной политической культуры. Юго-Восточная Азия, переступив грань гуманности и милосердия, в какой-то мере превращается в объект синдрома обреченности, когда пренебрежение к жизни проявляется у террористов не только по отношению к своим жертвам, но и к собственной жизни, что является феноменом современной преступной деятельности исламистов. В качестве своего основного средства уничтожения исламисты избрали подрывников – смертников. Количество преступлений, совершенных таким образом постоянно растет, хотя вплоть до последнего времени Юго-Восточной Азии террористы-смертники были несвойственны. Но и это не все. Терроризм, тем более в таких масштабах, подрывает веру в обществе в саму возможность достижения политических перемен мирными, не террористическими методами.

Вызывают невольное содрогание подробности очередного террористического акта, совершенного на острове Бали 1 октября 2005 г., когда погибли 26 человек и более 100 было ранено. Трое смертников взорвали себя практически одновременно рядом с несколькими ресторанами. Опознать убийц не представлялось возможным, поскольку их буквально разорвало на куски. Как засвидетельствовал глава индонезийской антитеррористической службы генерал Ансьяд Мбаи, все, что осталось от бомбистов были головы и ноги, найденные среди фрагментов прочих тел. Фотографии оторванных голов были помещены в местных газетах для опознания. И такая перспектива последующих террористов не останавливает. Сила их фанатичной религиозной убежденности несоизмеримо выше инстинкта самосохранения.

Как показывают результаты следствия, исламские террористы видят себя бойцами, участниками великого героического сражения против зла и порока, за то, чтобы не дать возможность Западу опустить мусульманскую «умму» на дно мирового сообщества, навсегда отнять у мусульман священный Иерусалим.

Вступив на эту стезю, по их глубокому убеждению, по велению души, многие из них заявляют, что, ведя священную войну, они счастливы умереть как мученики за дело, которому себя посвятили.

Один из участников другого, ранее совершенного, взрыва на о. Бали, когда погибли и пострадали сотни людей, приговоренный к смерти Имам Самудра заявил журналистам: «Я не совершил ничего варварского или запрещенного богом. Я выбрал путь, предначертанный мне богом. Но победа требует жертв. Даже если я умру, я умру как мученик. Я жду, когда вражеская пуля пронзит мою грудь».² Весьма показательно то, что в этом пылком высказывании не было места ссылкам на материальные факторы, нищету широких масс единоверцев. Его поступки продиктованы осознанием своей великой миссии – защиты ислама от наступления несправедливого и агрессивного Запада, стремящегося разложить и подорвать истинную веру, лишить ислам его духовных ценностей.

Нет сомнения, что в значительной степени такой фанатизм является результатом тщательно продуманной идеологической обработки, применяемой повсеместно в исламистских центрах. Здесь всячески взращивается чувство мести и ненависти за прошлые жестокости, совершенные по отношению к мусульманам, которые по убеждению их наставников являются оправданием ответного терроризма. Христианский и иудейский Запад клеймится позором и обвиняется в бесчеловечности. Популяризируются различные пропагандистские издания исламистов, к примеру «Система ислама». В нем говорится о тяжелой жизни мусульман всего мира, о том, что правители мусульманских стран несправедливы и продались Западу, угнетают и грабят свои народы. Далее говорится о том, что Запад на протяжении многих лет ведет войну против ислама: контролирует руководство большинства государств с исламским населением, поддерживает Израиль и его политику в отношении Палестины, начал войну в Афганистане и Ираке. Мусульманские братья ведут борьбу против оккупантов, но они плохо вооружены и разобщены. По замыслам авторов подобныхopusов мусульманский мир находится в угнетенном положении от того, что мусульма-

не отвернулись от Аллаха и отошли от истинной веры. Подчеркивается, что когда мусульмане придерживались правильной веры, неукоснительно соблюдали все предписания шариата, основанного на священных текстах Корана и положениях Сунны, они правили всем миром. Подвергается критике традиционный ислам, последователи которого якобы и привели мусульманский мир в упадок, после чего следует изложение «правильного» учения, суть которого сводится к возврату к истокам и «чистому исламу». Как правило, стержневым положением этих произведений являются выводы о необходимости джихада.

Помимо акцентирования внимания на «угнетенном» положении ислама и необходимости возврата к истокам веры, авторы затрагивают и проблемы, которые действительно актуальны и злободневны. К ним относятся :

- неравенство между Севером и Югом, Западом и Востоком;
- снижение значения морали, нравственных, семейных ценностей;
- проникновение в восточное общество вместе с западным образом жизни индивидуализма, корыстолюбия, стремления к развлечениям;
- несовершенство существующего порядка в мире, в том числе в США и на Западе, построенного на принципах демократии.

Пропагандистская «эссенция» исламистов, замешанная на правде и полу правде может оказать сильное воздействие на тех, кто решение проблем ищет в религии. При этом религиозно-экстремистские издания дают весьма четкие рекомендации по выходу из столь печальной ситуации, предлагаются методы, которые нужно использовать в борьбе за установление исламского государства. «Мусульманин в борьбе против неверного применяет любые способы и любые действия, которые могли бы привести к смерти неверного. В борьбе с неверным мусульманин может использовать оружие, действующее на расстоянии. Или же войдя в доверие неверных, открыть дорогу своим собратьям-мусульманам для уничтожения неверных. Либо во время неисправности самолета не использовать парашют для спасения, а наоборот – направить его в толпу неверных и взорваться. Либо для повреждения военных лагерей неверных взорвать себя

самого при помощи пояса, начиненного взрывчатым веществом. Сам способ не имеет значения. Поскольку в борьбе с неверными все средства допустимы».³ Показательно, что эта публикация с упоминанием самолетов, которые нужно направлять на неверных, вышла в июле 2001 г. До терактов 11 сентября оставалось менее двух месяцев. В отличие от первоначального ислама периода арабских завоеваний (т.е. периода «чистого ислама», являющейся продекларированной целью исламистов), которые отличала веротерпимость (прежде всего, к двум другим религиям авраамовой традиции – иудаизму и христианству) и предпочтение гибких форм исламизации присоединяемого к халифату населения, современные адепты халифата отдают предпочтение варварским, бесчеловечным методам воздействия на иноверцев и «неправильных» мусульман, выливающимся в откровенный терроризм. Тем самым происходит не на словах, а на деле отрицание того «чистого ислама», к которому они, по их уверениям, стремятся.

Сказанное вовсе не означает того, что идеи воинствующего исламского экстремизма повсеместно находят благодатную почву в регионе. Скорее наоборот. В Индонезии хотя между двумя крупнейшими богословскими организациями «Нахдатул Улама» (Союз мусульманских богословов) и модернистско-просветительской «Мухамадия», насчитывающими десятки миллионов сторонников, и существуют острейшие разногласия даже по незначительным вопросам интерпретации ислама, в 2002 г. лидеры этих двух извечно соперничающих организаций высказались за совместные действия по предотвращению того, чтобы ислам обретал реакционную суть. Комментируя решение, они указали на то, что в условиях слабости правоохранительных органов население нередко вершит правосудие собственными силами под религиозными лозунгами, игнорируя принципы законности и гуманности, что приводит к тому, что ислам ассоциируется с изуверствами. Тем самым они возвысились над междоусобной борьбой, благодаря чему и пришли к консенсусу по столь важному решению. Не есть ли это стремление позитивно ответить на принципиальнейший вопрос

современности: имеет ли ислам в регионе достаточный идейный потенциал, чтобы избежать конфронтации и предложить своим последователям действенную и основанную на исламских подходах формулу, позволяющую сочетать приверженность исламским ценностям с активным освоением достижений современной цивилизации?

На фоне этих событий являет значительный интерес осмысление развития современной исламской мысли и тех приоритетов, которых придерживается основная масса мусульман региона. Как представляется, на отмеченном поприще имеется немало течений, среди которых выделяются три основных:

- традиционное, обосновывающее консервацию нынешнего состояния мусульманского общества;
- фундаменталистское, отстаивающее необходимость радикального преобразования всех общественных и властных структур в соответствии с буквальным пониманием шариата;
- модернистский подход, использующий внешне исламскую интерпретацию для оправдания либеральных реформ.

Автор берет на себя смелость утверждать, что подавляющая часть мусульман региона придерживается третьего направления, которое в свою очередь находится в соприкосновении с направлением мусульманской мысли, связанным с обращением к внутреннему потенциалу ислама, подходу к современным реалиям не с узко трактуемых мелочных предписаний традиционного шариата, а его (ислама) краеугольных основ, ценностей и общих принципов. Подобное развитие общественного мировоззрения уже само по себе является отрицанием исламизма. Есть основания полагать, что набирающий силу тезис «лекарство от экстремизма и терроризма под флагом ислама надо искать в самом исламе» обретает зримые очертания в Юго-Восточной Азии.

Но это и не отрицает распространения в регионе исламского радикализма, которому свойственен отмеченный выше фундаменталистский подход к пониманию ситуации. Приверженцы исламизма, персонифицирующие его идеи,

представляют собою конгломерат, состоящий из различных социальных групп, объединенных общей идеологией. Наибольшая склонность к исламу оказалась присуща двум весьма различным группам по социальному статусу и интересам: бедная городская молодежь и средний класс, вышедший из разночинцев и лишенный доступа в сферу политики в силу невысокого происхождения, а также возможностей роста на экономическом поприще по причине засилья китайского капитала. Последнее для Юго-Восточной Азии весьма характерно. Громогласно и совместно заявляя о необходимости введения шариата и создания исламского государства, эти две разнородные группы вкладывают в слова различный смысл. Одни видят в своих требованиях необходимость изменения социальных условий, что давало бы им возможность вырваться из замкнутого круга бедности. Другие же стремятся, не нарушая существующего порядка, потеснить элиту и оказаться в ее рядах. Двойственность лежит в основе современного исламизма, охватившего широкий социальный спектр. Поскольку решение социальных проблем вряд ли возможно в рамках исламистского движения, оно, осознавая это, да и не ставя себе такой задачи, сосредотачивает свою пропагандистскую деятельность на моральных и культурных аспектах религии, притягивающих к себе широкую социальную базу. Как правило, объединение бедной городской молодежи и набожного среднего класса осуществляется на основе идеологии, построенной на религиозной морали и весьма схематичной социальной программе, не вскрывающей сути вопроса. Содержание идеологии, проповедовавшейся интеллигенцией, заключалось в том, чтобы сгладить антагонизм между интересами различных социальных групп и направить их к единой цели – достижению власти.

Может быть в двойственном характере исламизма и лежит одна из причин обращения отдельных его сторонников в подрывники – смертники. Мы уже говорили об амоке, как о взрыве коллективного возмущения, влекущего за собой проявления крайней жестокости. Но амоком вряд ли можно объяснить вступление в ряды смертников. По всей видимости, не амок, связанный с молниенос-

ным и кратковременным всплеском страстей, повинен в принятии такого шага. Здесь, как мы полагаем, многое зависит от изощенной идеологической обработки и глубокой убежденности в правильности своего решения тех, кто идет на такой чудовищный шаг. Как представляется, выходцы из бедных слоев, обнаруживая тщетность своих устремлений, ведомые представителями другого сословия и других интересов, и доведенные до отчаяния условиями жизни, идут в отдельных случаях на крайние меры. Разочарованность может быть и причиной становления на этот путь и наиболее экзальтированных и набожных представителей среднего класса, не воспринимающих прагматические намерения своих сподвижников. В столь засекреченной сфере деятельности исламистов, как обращение в смертники, объясняя его, исследователям пока приходится довольствоваться лишь предположениями. Главным, по всей видимости, является то, что в душах этих людей произошел надлом, которым и пользуются те, кто посылает их на смерть.

Надо признать то, что отдельные выходцы из беднейших слоев в ЮВА становятся на стезю фанатизма и экстремизма, что с учетом их незначительной доли от общего количества, живущих за чертой бедности, является скорее исключением из правила, чем самим правилом. Религиозному фанатизму, проявляющемуся за гранью полного самоотречения, вероятно, в равной если не в большей степени подвержены люди, получившие определенное образование. Об этом, в частности, свидетельствует и анализ социального статуса убийц-смертников, совершающих свои злодеяния под знаменами «Аль-Каиды». В большинстве своем это были люди, получившие высшее образование, владевшие иностранными языками и знакомые с западной культурой. Внешне они вели светский образ жизни, любили женщин, не исключали употребления вина. В свете сказанного их финал вызывает много вопросов и ставит под сомнение многие истины. Их самоотверженность, ведущая к неизбежной гибели, вряд ли может быть истолкована с точки зрения прагматических целей. С большим основанием их скорее следует рассматривать как секту, вступление в которую

строго ограничено. Очевидно, террористы – другая, новая порода людей и придется выделять их по разного рода косвенным признакам, чтобы они не становились авиадиспетчерами, летчиками и т.п. Как отмечает Кайхан Барзегар, доктор философии иранского Исламского независимого университета (Тегеран): «Политика терроризма, проводимая «Аль-Каидой» и подобной ей организациями, направлена на то, чтобы побудить людей определенного душевного склада бороться за идеалы ислама террористическими методами».⁴ Остается предположить, что террористы-смертники и есть те самые люди «определенного душевного склада».

Немало подобных вопросов вызывает и «Джамаа Исламия» (ДИ), являющаяся основным террористическим центром в Юго-Восточной Азии. Проведенное сингапурской спецслужбой психологическое исследование арестованных членов ДИ показало, что они не «нищие и невежественные изгои общества», как первоначально считалось, а вполне современные люди с интеллектом среднего и выше среднего уровня, часто квалифицированные специалисты. Все они готовы сражаться по всему миру от Палестины до Индонезии, там, где по их мнению, мусульмане подвергаются эксплуатации и гонениям.⁵ Для Малайзии подобным наиболее наглядным примером является фигура Азахари Хусина, обозначенного местной прессой «разрушителем». Этот выходец из среднего класса учился в университете Аделаиды в Австралии, завершил высшее образование в Великобритании, там же защитил диссертацию по статистическому моделированию. По возвращению в Малайзию в 1990 году преподавал в Технологическом университете. Сблизился с лидерами «Джамаа Исламия» Абдуллой Сунгкармом и Абу Бакармом Баширом и под их влиянием перешел на позиции радикального ислама. В тренировочных лагерях в Афганистане и на острове Минданао (Филиппины) стал непревзойденным специалистом по взрывному делу. После начала в 2001 г. антитеррористической кампании в Малайзии скрывался на юге Таиланда. По индонезийским источникам, имел непосредственное отношение к взрывам на Бали и в Джакарте.⁶

Не исключено, впрочем, что членов «Джамаа Исламия», следует подразделять на фанатиков, также составляющих некую секту, и прагматиков, то есть на тех, кто идет осознанно на смерть, и тех кто на нее посылает, совершенно при этом не намереваясь проявлять столь же бескомпромиссную готовность к самопожертвованию. Иными словами, набожных представителей беднейших слоев и среднего класса, чей религиозный фанатизм доведен до иступления, направляют в самое пекло решения своих политических проблем интеллектуалы, разрабатывающие исламистскую доктрину применительно к конкретным условиям. Именно последние обрекают тех, кто проявляя весьма своеобразное «молчание ягнят» заканчивают жизнь чудовищными злодеяниями с глубоким убеждением правоты и необходимости такого поступка. Так, одним из организаторов серии взрывов в Джакарте в 2001 г., осуществленных исламистами, был сын отстраненного от власти президента Индонезии Сухарто – Томми, человек весьма далекий от религиозного фанатизма, лишь пытавшийся на волне хаоса, вызванного террором, решить собственные проблемы.

Понять прагматиков исламистской террористической деятельности не сложно. Ими руководят далеко идущие планы политического характера. Гораздо сложнее с теми, кто по существу являются их жертвами и кровью своей и кровью многочисленных невинных жертв эти планы, не осознавая того, реализуют. И правы те, кто утверждает, что с ними, с этими зомби террора, «надо бороться не как с насекомыми», стремясь в основном к их уничтожению, а прежде всего попытаться их понять, что может дать значительно большие результаты по сравнению с теми, которые имеются. Пока же тайна пути в террористы-смертники во многом остается неразгаданной. И в тоже время число актов с использованием террористов-смертников постоянно возрастает.

Вместе с тем, изложенное выше понимание ситуации при всей его распространенности среди тех, кто тем или иным образом связан с изучением исламизма, не может не вызывать упрека в определенной упрощенности и заслуживает критического подхода. И среди интеллектуалов, находящихся в руково-

дстве исламистскими организациями есть немало людей, фанатично преданных ведущейся ими борьбе, чья религиозная убежденность не подвластна доводам разума. Они в своих поступках, по их собственному убеждению, руководствуются лишь божественными предначертаниями. И они в случае, с их точки зрения, необходимости и требований борьбы готовы отдать не только чужие, но и свою жизнь. В этом, в частности, их принципиальное отличие от многих предшествующих им радикальных движений и организаций, руководители которых предпочитали неограниченно жертвовать своими соратниками и единомышленниками, но никак не собственными жизнями. Это значительно осложняет борьбу с исламизмом. Примером такой преданности в среде исламистов может, на наш взгляд, служить Усама бен Ладен и его «правая рука» Айман аз-Завахири в «Аль-Каиде», Басаев в Чечне, Хамбали и Абу Бакар Башир в «Джамаа Исламия», и этот список можно продолжить.

В сплетении различных подходов к теории и практике исламизма непосредственно внутри самой исламистской организации, неизбежном противоборстве «фанатиков» и «прагматиков», входящих в состав руководства, представляется непростой задачей определить ее (организации) истинное содержание, понять, кто же в большей степени использует сложившийся альянс для проведения своих интересов, и чья линия в конце концов торжествует – тех, для кого создание государства шариата есть не что иное как божий промысел или тех, кто видит в этом лишь шанс прикосновения к власти.

Как утверждает ряд аналитиков в регионе, популярность исламистов, число их сторонников и успех руководства стран региона по сдерживанию исламизма и его порождения исламо-экстремизма во многом зависят от того, насколько успешно будут реализовываться программы по устранению социальных изъянов и борьбе с коррупцией. По их мнению, именно на фоне социального неравенства исламисты черпают своих сторонников, подводят идеологическую базу под реализацию своих мероприятий.⁷ Но, очевидно, с изложенной выше точкой зрения можно согласиться лишь частично, поскольку кризис ле-

жит не только в социально-экономической плоскости, но и в культурно-психологической.

Действительно, исламский радикализм в ЮВА, как и ему предшествующий, происходит не от своего идейного обоснования, которое чаще всего носит вторичный характер, а в первую очередь от недовольства существующим порядком вещей различных слоев общества. Но значительная часть мусульманского общества, представленная прежде всего интеллигенцией, обеспокоена также вторжением в ее внутренний мир, в ее религиозный эгалитаризм внешних сил, взламывающих душевную гармонию, подрывающих устои ее понимания религии и религиозного мироощущения, т.е. те сферы, где формируются ценностные ориентации и идейные установки. В такой ситуации ощущать себя мусульманами начинают даже те, кто в обычной жизни не следуют строго исламским заповедям, игнорируют религиозные обязанности. Моментально просыпается чувство принадлежности к исламской вере, культуре, цивилизации. Ислам начинает доминировать в сознании, готовом воспринимать любые идеи и концепции в исламском облики, в том числе и самые радикальные. Вступает в силу так называемая «исламская зависимость» на интеллектуально-психологическом уровне, подспудно подталкивающая к тем нормам религиозного восприятия, которые граничат с идеями и взглядами исламистов, а в ряде случаев происходит их совпадение. Ислам получает дополнительные шансы выступить в привычной для себя роли мобилизующей силы, интегрирующей протестные настроения мусульман, чем не упускают случая воспользоваться исламисты. Конечный результат будет зависеть не только от состояния дел непосредственно в странах региона, но и от успехов решения тех проблем, с которыми ислам столкнулся в качестве мировой религии.

Правомерность этого тезиса была в полной мере подтверждена во время событий февраля 2006 г. в связи с опубликованием в датском журнале «Юлландспостен», а затем и в других западных изданиях гротескных изображений пророка Мухаммеда. Как отметил доктор Мохамед Эль Сайед Саид, заместитель

директора центра политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам» (Каир): «Среди мусульман укрепилось общее мнение, что их культура оказалась под постоянным прицелом со стороны Запада.... Это чувство жертвы ксенофобии становится сильнее и провоцирует ответную реакцию».⁸ Возмущеными оказались все мусульмане, поскольку речь зашла о покушении на идейные основы их религии, причем со стороны, по существу, западных фундаменталистов от демократии. Энергия возбужденных масс преодолевает границы и бросает вызов ныне существующим государствам и всей мировой иерархии во главе с США.

Вслед за волной возмущения и связанными с этим беспорядками на Ближнем и Среднем Востоке подобные события произошли и в мусульманских странах Юго-Восточной Азии. В ходе митингов в трех крупнейших городах Индонезии демонстранты жгли датские флаги, в посольство Дании и датские компании поступали многочисленные угрозы. МИД Дании заявил, что спецслужбы страны получили информацию о возможном нападении на датчан и датскую собственность в Индонезии – данные о них активно собирала одна из радикальных мусульманских группировок. Посольство Дании после угроз в свой адрес оказалось закрытым. Датское правительство призвало своих граждан немедленно покинуть Индонезию. Власти Индонезии поспешили заявить, что это не более, чем вылазки экстремистов, пользующихся случаем, чтобы еще раз напомнить о себе. При всей справедливости этого заявления все же нельзя было не заметить, что действия исламистов в данном случае получили незримую поддержку в широких мусульманских кругах, не только среди адептов радикального ислама. Последние же в очередной раз прибегли к испытанному средству – манипулированию на чувствах, связанных с международной исламской солидарностью, основанных скорее на эмоциях, чем на объективном анализе ситуации. Это дало им повод еще раз заявлять о новом крестовом походе Запада против ислама. В таких условиях вести демонстративно активную борьбу с террористами, удары которых направлены в первую очередь в сторону Запада,

означало бы для власти предстать в роли его защитника, режущего «поживому» обостренное чувство исламского национализма, от которого исходят важнейшие импульсы всей общественной жизни страны. Опасность совершения ошибки при выборе вариантов решения проблемы исламского радикализма, способной сделать исламскую религию снова гонимой, чревата значительно более серьезными последствиями, чем при Сухарто. С тех пор ситуация не менее, а, возможно, и более взрывоопасна. Это побуждает С.Б.Юдхойоно к сдержанности и маневрированию, поиску запасного варианта на случай непредвиденных обстоятельств. Очевидно, с этих позиций следует расценивать мягкий приговор, вынесенный Абу Бакар Баширу в марте 2005 года, и весьма обтекаемое заявление президента о том, что он готов принять самые жесткие меры против «Джамаа Исламия», «если ему докажут, что эта организация действительно существует».⁹ Столь же осторожной политики по данному вопросу придерживалась и его предшественница на посту президента страны Мегавати Сукарнопутри.

Скандал с рисунками лишь случайно совпал с напряженностью вокруг Ирана, победой Хамаса на палестинских выборах, новыми столкновениями между Израилем и палестинцами. Он стал каплей негатива, исходящего Западом, которая переполнила чашу терпения правоверных. По сути, их негодование обусловлено попытками Запада демократизировать и вестернизировать исламский мир. Опыт такого развития событий в арабских странах свидетельствует об утрате ими многих сторон суверенитета. По оценке ливанских политологов, главное беспокойство в ряде арабских стран вызывает то, что демократизация по американскому сценарию неизбежно влечет за собой подрыв национальных традиций, норм поведения, воспитания, морали, судебного законодательства, в основе которых лежит исламская религия.¹⁰ Такая перспектива неприемлема для большинства адептов ислама в Юго-Восточной Азии. Курс на отбрасывание ислама усиливает позиции исламских радикалов, множит ряды их сторонников. Линия на искусственную демократизацию ведет лишь к дестабилизации.

Тем более, за этим стоит не что иное, как стремление США укрепить свое господство. При всей витиеватости разговоров о демократии истинной их целью является обеспечение стратегических интересов. Иллюстрация тому – американские базы на священной для мусульман земле Аравии, безоговорочная поддержка любых действий Израиля, вторжение в Ирак, унесшее десятки тысяч жизней, в том числе и невинных. На этом фоне осуждение Америкой пресловутых публикаций воспринимается в мусульманском мире, как цинизм и приспособленчество. В этом плане немалый интерес представляет высказывание профессора арабского происхождения Абдуллы Ахмеда Ан-На-има, преподающего курс религии, гражданского права, исламского и криминального законодательства в университете Атланты (США). По его убеждению: «Бен Ладен и бен Буш – две стороны одной и той же медали». Будучи мусульманином, он не снимает ответственности с исламских террористов за совершенные злодеяния, но и ни в коей мере не оправдывает ответную политику США.¹¹ Как в этой связи не вспомнить, что бен Ладен, практически возвращенный в свое время Соединенными Штатами, стал «врагом мира № 1» после того, как заявил о необходимости вывода американских войск из Саудовской Аравии и со всего Ближнего Востока. По существу, это и есть доказательство того, что природа и характер деятельности исламистов находятся прежде всего в прямой зависимости от реализации Соединенными Штатами своих глобальных экономических и политических интересов, когда внутренние мотивы, бытующие в мусульманских странах, социально-экономического, политического и религиозного свойства отодвигаются на второй план.

И в регионе ЮВА прослеживается явное несоответствие между разрушительной силой исламистского движения и его неспособностью к созиданию. «Джамаа Исламия» обрела известность не призывами к конструктивному решению назревших проблем, и деятельности по их осуществлению, а в результате террористических актов. В первые годы исламской революции шиитский фундаментализм стал своего рода катализатором суннитского радикализма, од-

нако последние два десятилетия шиитский иранский радикализм идет на убыль, а суннитский напротив усиливается. Боевики погибают с фанатичной убежденностью в собственной правоте, увлекая за собой множество невинных людей ради утопической идеи. Эта борьба за утопию, к тому же, подкрепляется верой, что «борцы», а с ними и их невинные жертвы попадут в рай. И ничего более. На этом цепь событий, связанная с деятельностью экстремистов, обрывается. Главным результатом остается демонстрационный эффект. Плоды этой борьбы манипулируются исламистскими элитами в зависимости от потребности текущей ситуации, в том числе им приписываются в ряде случаев и цели построения теократического государства. Такая постановка вопроса требует того, чтобы отличать террористов от просто радикалов – приверженцев исламского фундаментализма. Как показала история, исламистские группировки способны консолидироваться в случае возникновения общей угрозы для их существования. Такой общей угрозой стали Соединенные Штаты и их союзники по анти-террористическому альянсу. Это уже борьба не за построение теократических государств, а конфликт между восточной и западной цивилизациями, что не всегда позволяет признать политкорректность. Вместе с тем, очевидно, пока остается открытым вопрос: является ли происходящее столкновением цивилизаций или же это череда их эпизодических стычек?

Американцам пока не удается вновь найти точки совпадения своих интересов и интересов исламских фундаменталистов. Последним предпочтительно другое. В глазах большинства участников уммы отмеченный конфликт выглядит как конфликт Соединенных Штатов с исламом, исходя из чего для них является несомненным, что американская политика приобрела явно антиисламскую окраску, когда Америка представляется нападающей стороной, а мусульманское сообщество – обороняющейся и сопротивляющейся, что не может не играть на руку мусульманским фундаменталистам. Тем самым нанесен колоссальный вред умеренным мусульманам в их бесконечной междоусобной борьбе с фанатиками, нарушается зыбкое равновесие сторон. Как результат, в мусуль-

манском мире наблюдаются противоположные тенденции от шагов по пути демократизации до новых всплесков радикальных настроений. Текущие события свидетельствуют, что не исключается и вариант их сплетения. Исламисты весьма успешно осваивают методы мобилизации масс в государствах, прошедших этап демократических преобразований. Не случайно на протяжении последних лет пристальное внимание исследователей привлекают перспективы мусульманского мира в свете проектов его демократизации и политического реформирования, сопутствующих демократизации политической жизни мусульманских стран. Перед мировой общественностью предстают во всей значимости актуальнейшие вопросы современности. Совместимы ли демократия и исламские правовые и общественно-политические институты? Может ли демократия успешно развиваться в мусульманском обществе, где мусульманские морально-этические нормы, традиции и обычаи определяют образ жизни большинства населения и оказывают значительное влияние, в том числе, на общественно – политические институты? Для мусульманских стран Юго-Восточной Азии, ступивших на стезю активных демократических преобразований, все это имеет непосредственное отношение. Весьма показательным оказался визит в Индонезию в марте 2006 года государственного секретаря США Кондолизы Райс. Он проходил на фоне массовых антиамериканских выступлений, организованных Исламским фронтом – коалицией 35 мусульманских организаций фундаменталистского толка. Страсти усугублялись тем, что визит совпал с третьей годовщиной начала войны в Ираке. Тысячи демонстрантов с лозунгами «Американцы – вон из мусульманских стран» и «Буш – террорист номер один» требовали немедленного вывода войск коалиции из Ирака и Афганистана. Главе американского дипломатического ведомства не оставалось ничего другого, как назвать Индонезию «демократическим союзником США», «маяком умеренного ислама», показывающим пример толерантности другим мусульманским странам, отметить «гигантский прорыв к демократии», свершенный этой страной и заявить перед журналистами, что воспринимает открытый протест

индонезийцев в качестве свидетельства торжества демократии в крупнейшей мусульманской стране, ставшей третьей по величине (после Индии и США) нацией «свободного мира».¹²

Победа радикальной исламистской партии «Хамас» на парламентских выборах в Палестине в феврале 2006 г. имела широкий политический резонанс и, по мнению ряда обозревателей в Индонезии и за ее пределами, явилась суровым уроком и предупреждением для США и Индонезии. В комментариях, в частности, отмечалось, что насаждение демократии в исламском мире далеко не всегда приводит Соединенные Штаты к желаемым результатам по созданию дружественных режимов, и что обозначенные события имеют особое значение для Индонезии, где США ведут активную деятельность по созданию демократических институтов.¹³ Более того, опыт Турции, Алжира, Ирана и других стран показывает, что при надлежащей организации исламисты могут прийти к власти или удержать власть, используя при этом американские демократические реформы.

В странах Юго-Восточной Азии со значительной долей исламского населения выборная демократия уже прижилась. Это относится к Индонезии, Малайзии, Филиппинам и Таиланду. Даже самодержавный султан Брунея заявляет, что в стране будет парламент, правда, назначаемый им, хотя и в этом при желании можно рассмотреть движение вперед. Но ни одна из этих стран не потеряла своей идентичности. В области культуры, искусства, обычаев, элементарных каждодневных житейских взглядов сохраняется исконная самобытность. Эта сфера жизни особенно устойчива к внешним влияниям, исходящим от поборников другой веры. Но устойчивость этой сферы жизни постоянно подвергается испытаниям перед лицом внешних воздействий. Казалось бы, адепты ислама во всех вариантах его толкования еще раз получили исторический шанс объединиться с тем, чтобы отстоять религиозную идентичность, суверенность ее понимания. История знает подобные проявления единства мусульман в регионе. Победой всех мусульман в Индонезии закончилась борьба

за отстранение от власти президента Сухарто в мае 1998 г., когда ислам стал символом оппозиционности тоталитарному режиму. Так было и в ходе антиколониальных восстаний в XIX веке и национально-освободительного движения в начале следующего столетия. Тогда религия была символом духовного суверенитета, не затрагивающего конечных целей борьбы, а лишь отделяющих мусульманский мир от враждебного и чуждого. Но по достижению целей, объединяющих всех мусульман страны в их стремлении к демократическим преобразованиям (так вполне рассматривать отмеченные события), их единство уступает место противостоянию. Их противоречия слишком велики, цена победы – власть. Демократизация протекает здесь по собственным законам. В данном случае уместно применительное к Юго-Восточной Азии высказывание А.Ю. Другова: «в низах стихийно демократические и эгалитаристские устремления деформируются в ксенофобный фанатизм».¹⁴ Этот ксенофобный фанатизм весьма умело научились использовать исламисты. Жесткая регламентация, свойственная тоталитарной форме правления, уже не препятствует тому, чтобы приводить в движение низы, которые, даже если и не хотят жить по старому, более тяготеют к традиции, нежели к ее модернизации. Мусульманские общества стран ЮВА переживают трудный процесс перехода от традиционных форм жизни к современным, от прежнего замкнутого существования к открытости. В мае 2005 года президент Индонезии в своем первом выступлении, посвященном внешнеполитическому курсу, заявил: «мы страна в которой демократия, ислам и модернизация идут рука руку».¹⁵ Трудно не заметить в этом высказывании немалую долю популизма и стремлении быть услышанным за пределами страны. Но и движение страны по пути демократизации неоспоримо. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в мусульманском обществе любому проекту модернизации и демократизации сопутствует успех лишь при условии сочетания с исламскими политико-правовыми традициями, в противном случае они воспринимаются как угроза исламским ценностям. Необходимо также видеть границы демократизации и модернизации. Ислам – не только религия, но и

образ жизни. Этим обществам свойственны архаичность и традиционализм. Являясь религией, наиболее полно регулирующей и контролирующей жизнь верующих, ислам препятствует проникновению в свою среду всего немусульманского, что несомненно затрудняет его «осовременивание», осложняет модернизацию. При ломке общественных отношений неизбежно нарушение взаимопонимания между участвующими в этом процессе субъектами. Мусульманские традиции и морально-этические нормы на протяжении столетий вырабатывали определенную психологию, стиль поведения во взаимоотношениях между людьми. От их выбора и предпочтений во многом будут зависеть варианты последующего развития стран региона. Борьба за их голоса и души может стать основным полем сражения умеренных мусульман и фанатиков, что в принципе не исключает в последствии новых вспышек терроризма. Опрос общественного мнения, проведенный в Индонезии в конце 2005 г., показал, что 11% респондентов высказались за оправдание исламских террористов-смертников и в тех случаях, когда от их действий гибнут гражданские лица.¹⁶ По существу, это те, кто отдает предпочтение запугиванию, а не убеждению, террористу- смертнику, а не избирательной урне. При их участии борьба за победу и в такой демократической акции, как выборы, может при определенных условиях проходить совсем не на демократических началах. Можно, конечно, вспомнить о том, что парламентские выборы 2004 г., как и последующие им первые в истории страны прямые выборы главы государства, заслуживают того, чтобы характеризоваться свободными и упорядоченными. К тому же, как и результаты любых опросов, отмеченный показатель лишь приблизительно отражает истинное положение дел. Тем не менее, он дает представление о том скрытом заряде религиозной нетерпимости, которая при определенных обстоятельствах, чаще всего в условиях социальной напряженности, готова выплеснуться наружу. В каком виде она может предстать, в регионе известно доподлинно. Такие предположения имеют под собой основания еще и потому, что, по ряду оценок, исламизм уже прошел верхнюю точку всплеска своей популярно-

сти, начинает исчерпывать себя идеологически, вследствие чего может очередной раз пойти на крайние меры, пока эффективность насилия окончательно себя не исчерпала.¹⁷ Задача элит состоит в недопущении нежелательных вариантов.

Говоря об исламском терроризме и его специфике, непременно следует учитывать тот факт, что в отличие от христианства в исламе отсутствует церковь в качестве иерархически и территориально структурированного духовенства, аккумулирующего в себе мистическое присутствие Бога и выступающего неизменным посредником между Богом и верующими. Стать лидером всех мусульман также не удалось никому: ни аятолле Хомейни (из-за его принадлежности к шиизму), ни суданскому духовному вождю Хасану ат-Тураби, ни Усама бен Ладену. При всей харизматичности террориста №1 он вызывает у мусульман чувство отторжения, дискредитируя ислам в глазах остального мира, поскольку и в исламском мире произошло осознание того, что несмотря на раздирающие этот мир противоречия, наличие внутри его этнических культур, деление мусульман на умеренных и радикалов, в глазах остальной части человечества он выглядит единым целым.

В исламской среде давно не появлялось богословов и идеологов, чье влияние распространялось бы на весь мусульманский мир, при том, что в 1950-70 гг. таким авторитетом пользовались египтянин Сайид Кутб, пакистанец Абу Аля Маудуди, иранец-шиит Мухаммад Бакр ас-Садр.

Институт же церкви с ее иерархией, увенчанной непререкаемым авторитетом ее главы, при всех небезосновательных упреках, что такая структура утверждает единомыслие и препятствует свободе мысли, гарантирует от появления таких, по существу, самозванцев, какими явились в мусульманском мире Усама бен Ладен, Абу Бакар Башир и иже с ними. Они совершенно произвольно возложили на себя право решать судьбы религии, миллионов людей, издавать фетвы, объявлять джихад, не имея на то никаких прав. «Аль-Каида» заявила, что «имеет право» уничтожить четыре миллиона человек.¹⁸ Вряд ли ей эта

задача по силам без таких «помощниц», как «Джамаа Исламия». Глядя на них, подобные фанатики на среднем и низовом уровне стремятся к слепому подражанию. И нет никого, кто бы мог наложить запрет на их деяния, подрывающие устой религии, отлучить от церкви. Нет фигур, равнозначных папе или патриарху.

Основную массу мусульман региона составляют те, кто находится на позициях умеренного ислама, и для кого религия служит выражением самоидентификации. Их религиозная эгалитарность при апелляции к исламу не нуждается в конституционных и правовых рамках. Расстановка сил и центр тяжести противостояния радикалов и умеренного крыла мусульман региона находится на стороне последних, активное меньшинство, тем более придерживающееся радикальных методов борьбы, может в отдельных случаях склонить чашу весов в непредсказуемом, нужном для себя направлении, используя при этом, как правило, проблемные периоды социально-экономического плана.

Широкое общественное мнение зачастую не разделяет собственно ислам и его сектантские разновидности. Очевидно, следует четко разграничивать искренние, но неоднородные по своему характеру устремления, связанные с религией, различных слоев общества и не редко пиаровские заявления политиков от религии, носящие конъюнктурный, амбициозный или же прагматический характер. Точно так же соответствующие нормам духовности и человеческого общежития стороны исламской религии необходимо отделять от ее экстремистских версий и основанных на них политических действий, приводящих в общей сложности к террору и насилию. Именно на них делает ставку международный исламизм в своих гегемонистских устремлениях. Собственную политическую игру ведут не только представители мирового исламизма, но и региональные политические деятели от религии. Ислам в Юго-Восточной Азии все в большей мере становится оружием в борьбе за власть. Происходит его беспрецедентная политизация в ущерб истинному предназначению – политическая zaangażированность в религии наносит глубокие раны ее духовности.

Вместе с тем, не следует забывать того, что любая религия, тем более такая мощная как ислам, обладая собственной «иммунной системой», обязывает «игроков на ее поле» к определенному «кодексу поведения», что весьма ограничивает их возможности при прагматическом отношении к религии и может привести к результатам, весьма далеким от поставленных ими задач. Доказательством тому служат примеры из истории ислама.

¹ Восток, «Наука», М., 2000, №6.

² IAS Newsletter, July 2003.

³ «Al-Waie», № 170, июль 2001 г.

⁴ Азия и Африка сегодня, 2005, № 3, с.38.

⁵ The New York Times, 03.01.2003.

⁶ Tempo, 07.09.2003.

⁷ Sunday times, 14.XI. 2004.

⁸ Независимая газета, 13.02.2006.

⁹ Straits Times, 27.10.2004.

¹⁰ Азия и Африка сегодня, 2005, № 12, с.42.

¹¹ Sunday times, 20.02.2005.

¹² ИТАР-ТАСС, Пульс планеты, 16.03.2006 .

¹³ www.atimes.com, 10.02.2006 , Southeast Asia news and business from Indonesia, Philippines, Thailand and Malaysia.

¹⁴ Терроризм. Угроза человечеству в 21 веке, М. 2003. с 208.

¹⁵ Asia Times, 30.03.2006, www.atimes.com, Southeast Asia news and business from Indonesia, Philippines, Thailand and Malaysia.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Жиль Кепель. Джихад. Экспансия и закат исламизма, М., 2004.

¹⁸ ИТАР-ТАСС 10.03.2005 г., Компас № 10, с.23.